

УДК 101.1:316

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЙНЫ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ В БОРЬБЕ ЗА МЕНТАЛЬНОСТЬ

И.Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 20.11.23

Аннотация. В статье анализируется специфика и природа современной войны как консциентальной, направленной на захват и трансформацию сознания за счёт перекодирования ценностной системы координат, исторической памяти и паттернов поведения. Раскрывается гибридный характер консциентальной войны, выражающийся в совмещении реальной атаки и символического насилия, а также внутренних и внешних угроз национальному государству. Утверждается связь консциентальной войны с политикой идентичности. Анализируются возможные механизмы противостояния консциентальному оружию.

Ключевые слова: консциентальная война, «всеобщая» война, национальная идентичность, политика идентичности, сознание, историческая память.

MODERN WARS: CHALLENGES AND RISKS IN THE STRUGGLE FOR MENTALITY

I.N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 20.11.23

Abstract. The author of this article analyzes the specifics and nature of modern war as a conscientious war aimed at capturing and transforming consciousness by recoding the value system of coordinates, historical memory and patterns of behavior. The hybrid character of the conscientious war is revealed, which is expressed in the combination of real attack and symbolic violence, as well as internal and external threats to the national state. The connection between the conscientious warfare and identity politics is asserted. Possible mechanisms of countering the consciential weapon are analyzed.

Keywords: consciential war, “universal” war, national identity, identity politics, consciousness, historical memory.

Происходящие социально-политические изменения в международной политической сфере в начале XXI в. приводят к трансформации войны, которая из средства политики превращается в саму политику, из ограниченных военных конфликтов – в «войну всех против всех». Целесообразно отметить характерные черты нового политического порядка, конструируемого современной «всеобщей» войной [1; 2, с. 141]. Во-первых, в политической подсистеме современных обществ наблюдается переход от «обороны» к «безопасности», что в итоге приводит к стиранию различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Во-вторых, в современных условиях власть, стремящаяся к безопасности, во главу угла ставит не легитимность и лояльность граждан к ней, а порядок, установленный силой. Однако достигнутая так называемая стабильность должна быть опять нарушена, иначе возникает сомнение в необходимости самой силы, обеспечивающей этот порядок. В силу этого состояние многих современных обществ можно сравнить с функционированием ядерного реактора, т. е. система будет действовать до тех пор, пока будет воспроизводиться угроза. В-третьих, «война с террором» или в широком смысле с «врагом всего человечества» приводит к оправданию насилия, к которому власти готовы прибегнуть в любой момент и в любой точке земного шара. Таким образом, современная «всеобщая» война порождает новый мировой порядок, стремящийся управлять миром не посредством прямого насилия, как это делалось в эпоху модернити, а посредством страха, вызываемого угрозой насилия. Одновременно для поддержания этого невротического состояния необходима демонстрация реальности этой угрозы в определённой точке земного шара (Афганистан, Сирия и др.).

Получается, что без воздействия на сознание такое тотальное запугивание просто невозможно. Следовательно, современные войны ведутся не только на поле боя, но и в информационном пространстве, активно используя воздействия на ментальность целых сообществ. Вместе с тем сознание человека рассматривается как новое поле боя, а победа предполагает не только захват территории и ресурсов, но и трансформацию идентичности, переформатирование памяти о прошлом, изменение в ценностной системе координат и, соответственно, принятие иных норм социального действия. Исходя из этого, полагаем правомерным утверждать, что цели современной «всеобщей» войны уже не являются политическими в традиционном смысле, они связаны с «политикой идентичности» в большей степени, чем с идеологически или геополитически детерминированным «национальным интересом». В современном обществе (считаем возможным определить его как общество постмодерна) происходит распадение прежних прочных форм социальной идентичности – класса и нации – и переход к более гибким и открытым формам. Деконвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Освобожденная от уз общественной функциональности, социальная идентичность приобретает свободный игровой характер театральной самопрезентации личности, становится индивидуализированной и неустойчивой. Таким образом, современная война во многом стала возможна благодаря легитимации игры в идентичность, так как предполагает гибридность самоидентификации.

Вместе с тем «политика идентичности» допускает диктат идентичности. Как справедливо отмечает британский исследователь Мэри Калдор (Mary Kaldor), в «политике идентичности» «речь идёт о притязании на власть на основе присвоения ярлыков... и она напрямую связана с идеализированным ностальгическим представлением о прошлом» [3, р. 40]. Именно ностальгия и память о прошлом становятся новым источником политической легитимности, однако в отличие от политических идей, выступающих основанием для объединения, «политика идентичности», напротив, работает по принципу исключения и тем самым способствует фрагментаризации социального пространства. Уже не важно – с кем ты или за кого, важно только – против кого. Так, идентичность становится основанием для военной мобилизации, более того, она начинает рассматриваться как единственное средство для оправдания войны [2, с. 144–145].

Современную «всеобщую» войну правомерно определить как консциентальную, т. е. войну за разум, за сознание и его трансформацию. Такой тип войны постепенно оформляется уже к началу XX в.; подтверждение этому обнаруживаем уже во время Первой мировой войны, когда военная пропаганда была нацелена на искаженное восприятие реальности. Мощь и силу консциентальная война набирает во времена холодной войны, подменяя собой реальные боевые действия в условиях противостояния двух блоков ядерных сверхдержав. Её целью стало создание ментальной конфронтации в ситуации невозможности «горячей» войны. Что касается войн начала XXI в., то, определяя их как консциентальные, целесообразно отметить одну существенную деталь: консциентальная война – это не самостоятельный вид войны, а её подложка, базовая составляющая и одна из характеристик её трансформирующейся природы. Современная война не может быть реализована только на поле боя, все её операции либо предваряются, либо сопровождаются информационным фоном, нацеленным на захват умов и сердец страны-противника. Так, нацеленность на ментальность современной войны лишь подтверждает её гибридную сущность, которую полагаем правомерным определить, во-первых, как совмещение реальной атаки и символического насилия. Символический терроризм как одно из самых эффективных средств этой войны нацелен не на максимальное количество жертв, а на спецэффект от максимально семиотического ущерба. Так, СМИ становятся составной частью пропагандистских операций и, более того, орудием и инструментом ведения гибридной войны. А во-вторых, эту сущность можно определить как смещение угроз, т. е. национальные государства в современном мире сталкиваются как с внешней угрозой, так и с внутренней, что в целом повышает угрозу трансформации межгосударственного военного конфликта в гражданскую войну [5, с. 95].

Термин «консциентальная война» (от лат. *conscientia* – «сознание») был предложен российскими исследователями Ю.В. Громыко [5] и Ю.В. Крупновым [6]. Главной особенностью войны этого нового типа является её парадоксальность: «горячий» военный конфликт достаточно низкой интенсивности, предполагающий ограниченную территорию, на которой ведутся военные действия, и тотальность, неограниченность военного насилия внутри социальных систем, втянутых прямо или косвенно в этот конфликт посредством информационных атак на сознание.

При этом война не просто отражается на экране телевизора или в социальных сетях, – её информационное осуществление в СМИ и в сознании людей воздействует на реальные военные события, способствуя накалу страстей, разжигая огонь ненависти, не только опережая военные горячие операции, а, по большому счёту, их стратегически определяя, ломая конвенции, международные договоренности. Исходя из этого получается, что скрытой целью консциентальной войны является расширение территории войны не только в информационном, но и в физическом пространстве за счёт выведения «горячей» войны за чётко определённые границы фронта и увеличения числа воюющих государств. Вместе с этим консциентальная война нуждается в постоянной подпитке, захватывая не только сознание новых социальных групп, но и территории, подчинение которых происходит не напрямую, а за счёт переориентировки граждан одного государства на сетевые информационные структуры другого государства, смены их аксиологической ориентации.

Вариативность консциентальной войны отражается в семантическом пересечении определений современной войны. Так, например, консциентальная война предполагает не только захват, но и трансформацию сознания (герменевтическая война), осуществляется в сетевом пространстве, а также в пространстве знания (сетевая война) посредством СМИ, Интернета (информационная война), что превращает её в «мягкую силу». Помимо этого в консциентальной войне можно увидеть новую форму колониальной войны в постколониальную эпоху за идентичность, за культурную среду посредством трансформации ценностей, паттернов поведения и стереотипов. Справедливо также определение современной войны как «археологической», ведущейся за историческую память посредством переписывания прошлого. Консциентальная война обладает специфической иллюзией героизма – иллюзией свободной мысли, суть которой заключается в том, что разрешены любые формы мысли и высказывания, но при этом жёстко контролируются формы сознания, самосознания, т. е. механизмы создания высказываний. Поэтому получается, что на деле свобода мысли и высказывания ограничивается как внешней, так и внутренней цензурой.

Отметим основные направления действия и, соответственно, риски и вызовы современной консциентальной войны: 1) иллюзия «расширения» сознания за счёт влияния СМИ и информационных технологий, что приводит к «информационному передозу»; 2) иллюзия гражданского согласия и солидарности, сфабрикованность консенсуса в обществе; 3) превалирование коллективной мифологии; 4) задействование механизмов «массовизации» сознания; 5) мнимая рационализация риторики, направленная на невротизацию и подпитку страха; 6) манипулирование идеологическими образцами, трансформирующими историческую память.

Ещё одной особенностью консциентальной войны является её размытость во времени: достаточно трудно определить, отследить её начало и, соответственно, весьма проблематично зафиксировать её конец. В силу этого возникает вопрос не столько о том, как закончить эту войну, сколько о том, как противостоять её агрессивному воздействию на сознание. Обратившись к работам Ю.В. Громыко, отметим два предложенных им механизма защиты:

1) аутентизация, суть которой заключается в том, чтобы сформировать посредством культурной традиции жёсткое ядро идентификации, что позволило бы остановить наблюдаемый сегодня практически бесконечный процесс произвольной самоидентификации; 2) развитие «метаэкранных» технологий, позволяющих выявлять множественность репрезентаций события и осуществлять его «очистку» от различных экранных образов, или, другими словами, раскрывать, понимать, что наблюдаемое событие не происходит само по себе, а представляет собой результат конструирования [5].

Целесообразно отметить, что эффективная реализация этих двух механизмов возможна при условии развития критического мышления и способности воображения, а также отсутствия конфликта между санкционированной в рамках культурной традиции идентичностью и самоидентификационным образом человека, что в принципе достаточно проблематично в обществе, расколотом консциентальным оружием. Вместе с тем на любое действие есть противодействие, соответственно пропаганда в рамках консциентальной войны может быть ослаблена контрпропагандой. Очевидно то, что без изучения и понятия действия консциентального оружия, специфической логики консциентальной войны невозможно выработать способы и меры противостояния рискам и угрозам нашему сознанию.

Список литературы

1. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху Империи / М. Хардт, А. Негри; под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Культурная революция, 2006. – 559 с.
2. Сидоренко, И.Н. Философия насилия: от метафоры к концепту / И.Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.
3. Kaldor, M. New and old wars: organized violence in a global era / M. Kaldor. – Cambridge: Polity, 2012. – 224 p.
4. Сидоренко, И.Н. Гибридная сущность войн эпохи постмодерна / И.Н. Сидоренко // Топос. – 2016. – № 1/2. – С. 89–97.
5. Громыко, Ю. Консциентальное оружие и консциентальная война / Ю. Громыко // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782> (дата обращения: 24.03.2017).
6. Крупнов, Ю. Как Россия сможет предотвратить пятую мировую войну // Персональный сайт Ю. Крупнова. – URL: <http://kroupnov.ru/pubs/2005/02/09/10403/#1-14> (дата обращения: 24.03.2017).

References

1. Hardt M, Negri A. Multitude: war and democracy in the age of empire. Transl. from Eng., ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006. 559 p. (In Russ.)
2. Sidorenko IN. Philosophy of violence: from metaphor to concept. Minsk: BSU, 2017. 175 p. (In Russ.)
3. Kaldor M. New and old wars: organized violence in a global era. Cambridge: Polity, 2012. 224 p.
4. Sidorenko IN. Hybrid essence of wars of the postmodern era. *Topos*. 2016;1/2:89–97.
5. Gromyko Yu. Concial weapons and concial war. *Center for Humanitarian Technologies*. Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782> (accessed 24.03.2017).

6. *Krupnov Yu.* How Russia can prevent the fifth world war. *Personal website of Yu. Krupnov.* Available from: <http://kroupnov.ru/pubs/2005/02/09/10403/#1-14> (accessed 24.03.2017).

Информация об авторе

СИДОРЕНКО Ирина Николаевна – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии культуры Белорусского государственного университета, Беларусь, г. Минск; eLibrary SPIN: 2893-4427. **E-mail:** iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

SIDORENKO Irina N. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture, Belarusian State University, Belarus, Minsk; eLibrary SPIN: 2893-4427. **E-mail:** iri_na2000@rambler.ru